

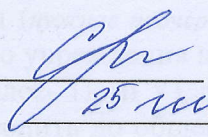
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
кафедра истории и мировой политики

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК

И.о. заведующего кафедрой

канд. ист. наук

Г. Р. Суфиянова

25 июня 2022 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

магистерская диссертация

ПОСТСОВЕТСКИЕ НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ 1934–1938 ГГ.

46.04.01 История

Магистерская программа «Историческая урбанистика»

Выполнил работу
студент 2 курса
очной формы обучения

Чеканов Даниил Дмитриевич

Руководитель работы
док. ист. наук, проф.

Кружинов Валерий Михайлович

Рецензент
док. ист. наук,
зав. научно-
исследовательской лабора-
тории комплексного иссле-
дования социальных систем
Нижевартовского госу-
дарственного университета

Цысь Валерий Валентинович

Тюмень
2022

ВВЕДЕНИЕ

Политические репрессии 1930–х гг. стали закономерным итогом столкновения и обострения целого комплекса противоречий, сопутствующих эволюции молодой советской государственности в условиях сталинской модернизации. В общественном сознании историческая память об этих трагических событиях мифологизирована, овеяна ореолом мнимых, а порой и непоследовательных представлений. Образы, возникающие в народной памяти, во многом поверхностно характеризуют реальное содержание неоднозначных эпизодов советского прошлого. Л.Д. Троцкий назвал события 1930–х гг. амальгамой, т.е. смесью внешних и внутренних факторов, оказавших влияние на возникновение массового террора [Бюллетень оппозиции, № 42, с. 1]. Думается, этот термин вполне характеризует текущие тенденции формирования исторической памяти о политических репрессиях 1934–1938 гг. «Масло в огонь» подливают блогеры и журналисты, публикующие пасквилы в отношении истории советского прошлого в целом. За последние пять лет в свет вышло немало подобных произведений: фильм Ю.А. Дудя «Колыма. Родина нашего страха», ролик А.В. Лядова «ГУЛАГ: Остров Соловки», видео-памфлет Л.Г. Парфёнова «Сталин дал приказ» и многие другие произведения отечественного кинематографа и либеральной публицистики. Разоблачительный характер этих произведений подкреплялся воспроизводством массы фальшивых и подложных фактов, игнорирующих конкретно-исторические условия эпохи 1930–х гг. и трактуемых в контексте либерально-идеологических постулатов. На сегодняшний день эта проблема продолжает оставаться предметом острых общественных дискуссий и прений. Многочисленные фальсификации стали инструментом в руках политических фигур, ставящих перед собой цель проведения масштабной декоммунизации и десоветизации массового сознания. Безусловно, подобные инициативы порождали острое противодействие, способствовали возникновению иных

мнений, консолидирующихся вокруг патриотически настроенных публицистов, общественных деятелей и учёных.

В этой связи, постсоветская историческая наука с момента её возникновения и до сегодняшнего дня пребывала в состоянии острых академических дискуссий. Несмотря на снятие ограничительных грифов с целого комплекса архивных документов в 1990-е гг. и введения этих источников в научный оборот, предметные обсуждения и споры не прекращаются до сих пор. Необходимость поиска объективной истины способствовала исследовательской консолидации под эгидой научных региональных центров, деятельность которых была направлена на изучение разнообразных аспектов проблемы.

Актуальность работы обусловлена задачами научного анализа процесса изучения «сталинских» репрессий 1934–1938 гг. в постсоветские годы, когда осуществлялся процесс консолидации интеллектуальных сил, формировались региональные научные центры, а в исследовательской практике стали широко использоваться новые теоретико-методологические подходы, расширялась проблематика и источниковая база исследований, оценки и выводы которых имеют большое значение для корректировки многих аспектов эволюции советской политической системы.

Степень научной разработанности темы. Острая необходимость в регулярной промежуточной систематизации результатов изучения истории политических репрессий способствовала росту интереса со стороны научного сообщества к процессу эволюции постсоветской историографии. На сегодняшний день специальные исследования историографического формата немногочисленны, однако опубликован ряд фундаментальных трудов по истории становления постсоветской исторической науки, в которых определен комплекс проблемных эпизодов и охарактеризованы краеугольные тенденции дальнейшего развития.

В постсоветской историографии выделяются группы научных работ, отражающих многообразие проблематики исторических исследований.

Первая группа представлена общими историографическими очерками и краткими обзорами исследований советской истории. В них осуществляется анализ общих тенденций развития науки, устанавливаются методы, реализуемые в научных трудах. Однако, авторы таких очерков не ставили перед собой задачу всестороннего рассмотрения и определения степени изученности конкретных эпизодов проблемы. Среди прочих в рамках первой группы научных трудов выделяются работы В.Н. Данилова и Л.Н. Сидоровой [Данилов, 1993; Сидорова, 2008].

Вторая группа научных работ представлена историографическими трудами, посвященными изучению процесса формирования и применения методик и концепций в советской и постсоветской исторической науке. Посредством сравнительного анализа устанавливается степень влияния многообразных факторов на расширение комплекса проблематики исследований, реализации и интерпретации авторских концептуальных подходов. Фундаментальные труды в контексте представленной группы созданы под авторством М.Г. Степанова, О.В. Хлевнюка [Степанов, 2009; Степанов, 2008; Хлевнюк, 2004].

Степанов комплексно подходил к изучению советского и постсоветского этапов становления отечественной исторической науки. Им установлено, что на рубеже XX–XXI вв. был сформулирован новый методологический подход в рамках изучения социальной истории массовых репрессий. Учёный резюмировал, что отечественные авторы позаимствовали основные методологические принципы западных советологов на предмет реконструкции механизма политического террора. По его мнению, к моменту начала 2010–х гг. в постсоветской исторической науке актуализировался комплекс социокультурной проблематики. Суть вопросов сводилась к установлению уровня влияния репрессивных мер на общий психологический фон советского общества. Справедлив тезис автора о неоднозначности оценок «большого террора» в постсоветской историографии. Он полагал, что общая тенденция генезиса научных оценок сводилась к тезису о признании научным

сообществом противоправного характера репрессивных кампаний в 1930–е гг. [Степанов, 2009, с. 147]. Представляется сомнительным однозначное утверждение историка о всеобщей несостоятельности исследований, отражающих иную позицию о роли Сталина в развязывании террора и функционировании советской репрессивной системы в целом. По его мнению, исследовательские работы, в содержании которых производились попытки реабилитации советских вождей, «не имеют достаточной аргументационной базы, не выдерживают источниковедческой критики и основаны на предположениях и личной заинтересованности авторов» [Степанов, 2013, с. 180].

В состав третьей группы научных работ входят историографические произведения, посвященные изучению результатов отечественной науки в контексте определения общего масштаба и динамики политических репрессий в СССР. На сегодняшний день этот сюжет объемно и всесторонне раскрыт в историографических трудах, среди которых выделяются исследования, созданные под пером С.А. Кропачева и Е.Ф. Кринко [Кропачев, 2011; Кропачёв, Кринко, 2012].

Кропачёв высказывал тезис о наступлении в начале 2010–х гг. кризисной волны в контексте изучения вопросов, связанных с масштабами массовых репрессий и демографическими потерями населения. Он полагал, что этот кризис объясняется существенным сужением источниковой базы посредством ограничения доступа исследователей в государственные архивы. По его мнению, перспективы изучения этой проблемы связаны с всеобщим обновлением теоретико-методологических подходов, совершенствованием методик расчёта демографических данных и внедрением в исторические исследования комплекса междисциплинарных принципов [Кропачёв, с. 95]. Историк признавал глубокую проработку аспектов проблемы в первое десятилетие XXI века впоследствии чего были ликвидированы многочисленные научные пробелы. Однако, по мнению учёного, краеугольной проблемой развития научного знания выступала высокая степень влияния

конъюнктуры, использование результатов исследовательского поиска в политических целях.

Совершенно справедливо утверждение Кринко о деятельности научно-исследовательских центров в области сбора архивных сведений и систематизации содержания региональных мартирологов как важнейшем факторе влияния на процесс реконструирования масштабов политических репрессий [Кропачёв, Кринко, с. 218]. По его мнению, реализация процесса публикации региональных мартирологов (т.е. «Книг памяти») позитивным образом повлияла на углубление направления социальной истории, что является несомненным достижением постсоветской историографии. С этим тезисом невозможно не согласиться.

К четвёртой группе относятся исследования, посвященные обобщению опыта изучения политических репрессий в Красной Армии. В содержании этих трудов раскрываются сюжеты процесса исследования в отечественной историографии форм, масштабов и характера репрессивных операций по отношению к представителям военного ведомства. Наиболее известными работами в этом направлении выступают труды М.И. Мельтюхова и А.В. Короленкова [Мельтюхов, 1997; Короленков, 2005].

Мельтюхов выделял несколько тенденций в научных оценках событий массового террора, осуществлявшихся в отношении высшего и среднего офицерского состава армии. С одной стороны, речь шла о «проармейском» содержании оценок, суть которых сводилась к тезису об особом статусе офицерского корпуса в советском государстве. В этой связи, массовые репрессии в отношении офицерского состава были очевидным политическим преступлением. С другой стороны, иные оценки характеризовались «антисталинским» содержанием, т.к. целая плеяда историков разделяли тезис о ведущей роли вождя в инициировании репрессивных акций против армейского офицерского корпуса. По справедливому замечанию учёного, возникновение подобных тенденций в исследовательских оценках 1990–х гг. объясняется отсутствием сведений о межведомственных конфликтах и борьбе

групп внутри армии. Источники, содержащие такие сведения, вошли в научный оборот значительно позже [Мельтюхов, с. 24].

Короленков критиковал позицию историков, утверждавших наличие реального военного заговора в офицерском корпусе РККА против высших партийных руководителей. Наряду с этим, он опровергал идею о слабеющей армии после чистки 1937–1938 гг. и выдвигал сомнительный тезис о поиске советским руководством соглашения с вождями третьего рейха. «Сталин уже в 1935 г. зондировал почву для сближения с Германией», – безапелляционно резюмировал историк [Короленков, с. 160].

Пятая группа научных трудов представлена историографическими обзорами, в которых обобщаются и систематизируются результаты изучения истории ГУЛАГа. Фундаментальные работы, в которых производится попытка всестороннего анализа итогов развития отечественной науки в рамках этого направления, созданы под авторством Н.А. Беловой [Белова, 2012]. Фрагментарно эти сюжеты рассмотрены в обзорах В.И. Меньковского [Меньковский, 2013]. Комплексный историографический обзор исследовательской проблематики в контексте истории ГУЛАГа отражен в статьях А.И. Репинецкого и Г.М. Ипполитова [Репинецкий, Ипполитов, 2011].

К шестой группе относятся научные работы, представленные исследованиями истории изучения в постсоветской исторической науке проблем, связанных с процессом депортаций народов как одним из инструментов репрессивной политики. Историографические сюжеты отражены в монографиях и статьях Н.Ф. Бугая, И.К. Семенова, Т. Черновой [Бугай, 2012; Бугай, 2015; Семенов, 2003; Чернова, 1999].

Характеризуя внутреннее содержание развития отечественной исторической науки в 1990–е гг., Бугай выделил комплекс существенных недостатков, выраженных сильным эмоциональным фактором, поверхностным осмыслением и изложением фактов. Историк полагал, что наиболее перспективными направлениями в изучении проблемы являются вопросы, связанные с межнациональными конфликтами в советском

обществе, ролью депортированных народов в функционировании плановой экономической системы, а также последствиями депортационных процессов.

Семёнов и Чернова концентрировали внимание на обобщении результатов изучения региональной проблематики депортаций. Так, Семёнов изучал историографию причин депортационных процессов карачаевского народа, а Чернова процесс изучения депортаций в отношении немецкого населения.

Подводя итог сказанному, следует признать, что изучение опыта развития постсоветской историографии политических репрессий 1930–х гг. вызывает повышенный интерес среди исследователей. Исследовательский фокус концентрировался на отдельных проблемных сюжетах генезиса постсоветской исторической науки, однако многие аспекты получили поверхностное освещение в трудах учёных. Промежуточный, фрагментарный характер осмысления проблемы не позволяет установить ведущие тенденции текущего положения научного знания и высказать общие практические рекомендации по углублению исследовательской работы. На сегодняшний день в исторической науке отсутствует комплексное исследование, посвященное изучению постсоветской историографии политических репрессий 1934–1938 гг. и деятельности научных региональных центров.

Целью данной работы является анализ деятельности постсоветских научных центров изучения истории политических репрессий 1934–1938 гг.

В этой связи предполагается решить следующие основные научные задачи:

- исследовать организационные аспекты деятельности научных центров по изучению истории политических репрессий;
- проанализировать теоретико-методологические подходы постсоветских учёных к изучению репрессивных практик сталинизма;
- изучить проблематику трудов постсоветских историков;
- исследовать информационный потенциал исторических источников, введенных в научный оборот исследователями.

Объектом исследования являются суждения и выводы постсоветских учёных, занимающихся историей политических репрессий.

Предметом исследования выступают постсоветские научные центры изучения истории политических репрессий.

Территориальные рамки обуславливаются результатами деятельности ведущих научных центров изучения политических репрессий, сложившихся в Российской Федерации. Речь идёт о территориях Европейской части России, регионах Сибири, Урала, Поволжья, Кавказа, Дальнего Востока и др. Изучение деятельности этих центров, оценка их научных результатов и достижений необходимы для систематизации и объективной репрезентации положения постсоветской исторической науки в целом.

Хронологические рамки охватывают период развития отечественной исторической науки с 1991 г. до наших дней. Выбор хронологических рамок обусловлен политическими и социально-экономическими трансформациями в стране в первые десятилетия после распада СССР, оказавших значительное влияние на генезис отечественной исторической науки и результаты исследований проблемы.

Источниковая база работы специфична в рамках предполагаемого формата. Основу работы составили историографические источники, т.е. исследования постсоветских учёных, посвященные политическим репрессиям 1934–1938 гг., или уделившие определенное внимание этой проблеме. Задействован комплекс исторических источников с целью перепроверки и уточнения сведений, высказанных в оценках и выводах постсоветских авторов.

Комплекс историографических источников может быть разделен на несколько групп – труды обобщающего характера и специальные исследования. К первой группе относятся общие фундаментальные труды по политической истории СССР в годы сталинской модернизации, подвергающиеся историографическому осмыслению, работы по истории исторической науки, посвященные отдельным проблемам и компонентам

научного анализа, а также комплекс учебной литературы в содержании которой отражаются основные сюжеты истории политических репрессий 1930–х гг.

Общие фундаментальные труды по политической истории являются незаменимыми источниками для репродуцирования общего фона конкретно-исторической обстановки 1930–х гг., однако в их содержании отсутствует детальный анализ отдельных сюжетов проблемы.

Работы по истории исторической науки позволяют определить общие историографические и источниковедческие тенденции постсоветского периода развития научного знания в ракурсе рассмотрения определенного круга проблематики. Более того, эти источники обладают сведениями о внутреннем содержании формирования исследовательских школ, направлений и течений, а также тенденциях углубления теоретико-методологического компонента.

Учебная литература представляет собой историографический источник, отражающий результаты научного осмысления проблемы в обобщенном виде. В нём отражаются общие вехи истории политических репрессий, предлагаются выводы, соответствующие преобладающему фону исследовательских оценок. Учебная литература выступает вспомогательным источником в силу своей содержательной специфики.

Ко второй группе историографических источников относятся диссертации, монографии, статьи, доклады конференций, обзоры литературы, рецензии, вышедшие в свет с 1991 г. и отражающие в своём содержании детальный анализ конкретно-исторических эпизодов истории политических репрессий 1934–1938 гг.

Диссертационные исследования позволяют выяснить степень изученности определённых аспектов проблемы, выявить новые сюжетные направления. Более того, в диссертациях ставится комплекс вопросов методологического и источниковедческого характера, отражающих состояние научного знания на определённом этапе развития историографии. Между тем,

привлечение диссертационных исследований помогает в репрезентации актуальности проблемы в научной среде. Следует помнить, что далеко не у каждого учёного есть возможность издания отдельной монографии.

В этой связи, монографические исследования выступают важнейшими историографическими источниками. В них обосновываются личные оценки и выводы учёных по различным аспектам проблемы, детально излагается содержание авторских концепций, обобщаются результаты индивидуальной работы.

Научные статьи представляют собой наиболее компактную форму изложения результатов научного исследования. Ограниченный объём этих источников компенсируется оперативностью изложения новых концептуальных положений результатов научного поиска.

Отдельным видом историографических источников выступают материалы научных конференций и форумов, в которых фиксируются результаты обсуждения актуальных и приоритетных направлений развития исторической науки. Более того, эти источники отражают уровень качества дискуссий и степень изученности «трудных» вопросов в исторической науке. Содержание материалов научных дискуссий по проблемам истории советского прошлого позволило уточнить суть логического изложения исследовательских позиций.

Вспомогательным историографическим источником выступают обзоры литературы и рецензии. В этих источниках отражается оценка значимости опубликованных исследовательских работ по отдельным сюжетам истории политических репрессий, а также характер сложившихся о них представлений.

Фрагментарно используются источники личного происхождения, представленные воспоминаниями коллег и учеников об учёных, ушедших из жизни и оказавших сильнейшее влияние на дальнейшее формирование исторической науки. Более того, актуализация практики реализации памятных мемориальных конференций влекла за собой возникновение комплекса источников, представленных в форме научных докладов и сообщений о вкладе

почивших исследователей в развитие отечественной историографии. Эти источники применяются в работе частично.

В целях создания репрезентативной базы, были использованы публицистические труды, в которых отражается влияние политико-идеологических установок на определение авторской позиции. Более того, содержание публицистических работ свидетельствует об уровне изученности вопросов, дискутируемых постсоветскими историками.

Комплекс используемых исторических источников подразделяется на несколько целевых групп. В первую очередь речь идёт о нормативно-правовых актах постсоветского периода, т.е. указах президента РФ, постановлениях и распоряжениях правительства РФ и др. Содержание нормативно-правовых актов отражает оценку органов государственной власти осуществления научной, историко-просветительской деятельности и конкретные меры по углублению исследовательской работы. Сопоставление динамики изменений форм организации научной-исследовательской деятельности с декларируемыми нормативно-правовыми мерами позволило воссоздать полную картину влияния факторов политической конъюнктуры на процесс эволюции постсоветской исторической науки.

Вторая группа исторических источников представлена комплексом делопроизводственной документации. Речь идёт об уставах общественных организаций, официальных заявлениях их представителей, стенограммах заседаний и отчётной документации научных региональных центров, специализирующихся на изучении истории политических репрессий. Эти материалы позволили определить основные направления в организации научно-исследовательской, просветительской и общественной деятельности этих центров, реконструировать динамику и многообразие форм академической работы. Наряду с этим, к исследованию привлечены материалы финансовой отчётности общественных организаций и научных центров, позволяющие установить источники поступающих средств, их объём и основные статьи расходов.

Третья группа исторических источников представлена комплексом периодических материалов. Речь идёт о газетах постсоветского периода, в которых отражены позиции общественных и политических деятелей на предмет их отношения к событиям прошлого. Эти сведения помогли реконструировать состояние исторической памяти об эпизодах истории политических репрессий в общественном сознании. Более того, периодические издания обладают богатым фактографическим материалом о формах организации деятельности научных региональных центров.

Отдельную группу исторических источников составили сборники исторических документов общего и проблемно-тематического характера. Они позволили подтвердить или опровергнуть точки зрения историков и их аргументационную основу в проблемных вопросах.

Научная новизна работы заключается в совмещении и систематизации накопленного постсоветской исторической наукой опыта изучения истории политических репрессий в характеристике основных компонентов формирования историографического знания. Выявлены особенности складывания теоретико-методологических направлений и краеугольные противоречия в вопросах углубления проблематики и расширения источниковой базы отечественной науки, раскрыты характеристики внешних форм и внутреннего содержания организации деятельности научных региональных центров и индивидуальной исследовательской работы. Выделены основные этапы эволюции постсоветской историографии, хронологически обоснованные в соответствии с имеющимися результатами развития указанных компонентов, а также определены дальнейшие перспективы перехода конкретно-исторических исследований в новое качество.

На защиту выносятся следующие основные положения исследования:

1. В постсоветской историографии политических репрессий 1934–1938 гг. процесс эволюции форм организации исследовательской деятельности

подразделяется на два периода: 1 период – 1991–начало 2000-х гг.; 2 период – 2000–начало третьего десятилетия XXI в.

2. Период 1991–начало 2000-х гг. обуславливается процессом становления первых научных центров, который сопровождался комплексом противоречивых тенденций, выраженных, с одной стороны, количеством инициативного кадрового состава, результатами «архивной революции» 1991 г. и широким доступом учёных в архивные учреждения, а с другой стороны, низким уровнем компетенций, необходимых при обработке вводимых в научный оборот противоречивых документов, отсутствием источников финансирования и раздробленностью сети региональных отделений этих центров.

3. Период 2000–начало третьего десятилетия XXI в. обуславливается утверждением и дальнейшим развитием форм организации исследовательской деятельности, когда успешно реализовывались попытки проведения всероссийских и международных научных форумов, возрастал исследовательский интерес к проблеме, отраженный количественными изменениями в динамике индивидуальной работы учёных и появлялись стабильные источники финансирования научных региональных центров.

4. Теоретико-методологический компонент постсоветской историографии характеризуется многообразием альтернативных научных концепций, в содержании которых предлагаются диаметрально противоположные трактовки и версии событий 1934–1938 гг., обуславливающие исследовательский антагонизм в практике употребления целого ряда основных научных понятий.

5. Углубление комплекса проблематики в 2000–е гг. обусловлено, с одной стороны, реализацией альтернативных теоретико-методологических подходов и актуализацией изучения социальных сюжетов истории политических репрессий, а с другой стороны – значительным расширением источниковой базы, обновлением и уточнением методов источниковедческого анализа. Между тем, в условиях концептуального антагонизма невозможно

констатировать безапелляционность результатов исследовательского поиска в области определения ответов на основополагающие вопросы о причинах, инициаторах и итогах политических репрессий 1934–1938 гг.

Теоретико-методологическая основа. Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания, основанный на логике Г. Гегеля [Гегель, 2019]. Предмет исследования рассматривается как нечто, находящееся в постоянном движении, в котором имеют место быть единство и борьба противоположных тенденций. Его применение позволяет рассмотреть становление современной отечественной историографии массовых репрессий 1930-х гг. в генезисе. Выполнить поставленные в работе задачи позволили общеисторические методы исследования, которые представляют собой сочетание анализа и синтеза, дедукции и индукции, классификации и типологизации и др. Исследование оперирует принципами объективности, всесторонности, системности, конкретности, а также учёта факторов, влияющих на развитие процесса изучения истории политических репрессий 1934–1938 гг.

Исследование реализовано в рамках теории интеллектуальной истории, в которых учитывается влияние социокультурного контекста и факторов соответствующей конъюнктуры современной действительности на выражение теоретических моделей современными отечественными историками. Метод интеллектуальной истории составляет изучение отдельных идей, в данном случае, теоретических моделей и походов, которые на современном этапе развития научной мысли вступают в новые сочетания друг с другом и меняют формы выражения, оставаясь относительно неизменными. Наиболее широкое распространение данная концепция получила в трудах А. Лавджоя, Л.П. Репиной [Лавджой, 2001; Репина, 2001].

С помощью историко-типологического метода были изучены фундаментальные концепции, использованные историками в тот или иной период. Историко-типологический метод направлен на определение общих признаков и положений, которые составляют смысл предполагаемых

концепций. Данный метод основывается на дедуктивно-индуктивный подход и позволяет определить общие тенденции в развитии отечественной историографии, охарактеризовать классификацию теоретико-методологических направлений.

Сравнительный анализ помог в определении научных дискуссий по тем или иным вопросам данной проблематики. Сравнительный анализ стал основой анализа аргументации положений рассмотренных концепций. В основу анализа работы был заложен историко-сравнительный метод современной историографии. Он представлен концепциями, которые сформированы на историсофских и социологических теориях.

Междисциплинарный подход выражается в реализации метода нарративной логики, который подробно описан в работах Ф.Р. Анкерсмита [Анкерсмит, 2003]. С помощью этого метода удалось проанализировать использование фундаментальных понятий в контексте современных отечественных исследований, определить семантическое значение конституирующих нарративных субстанций современных работ по истории политических репрессий 1930-х гг. в СССР.

С помощью метода контент-анализа, базирующегося на количественных принципах, было осуществлено сравнение содержательных компонентов (т.е. понятий, оценок и выводов) текстов трудов учёных и публицистов. Этот метод помог определить те аспекты содержания текстов, которые трудно обнаружить при поверхностном изучении. Специфика этого метода состоит в том, что анализ источников осуществляет при помощи стандартизированной процедуры, предполагающей измерение количества употребления определенных смысловых текстуальных фрагментов. В этой связи существенно уменьшается субъективная сторона анализа и толкования содержания массива текстов.

Реконструировать процесс динамических изменений состояния форм организации исследовательской работы в постсоветской историографии помог комплекс методов математической статистики. На основании материалов

отчётов научных центров восстановлены краеугольные направления их деятельности, установлена степень обеспечения финансовыми средствами и динамика реализации их объема.

Научно-практическая значимость работы связана с возможностью использования положений и выводов исследования в учебных курсах по историографии, науковедению, а также применения их для разработки учебных пособий и обобщающих трудов по истории постсоветской исторической науки.

Апробация работы. По теме исследования автор выступил с докладом на I студенческой научной конференции Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета «Ключевые слова». Тезисы научного доклада опубликованы в сборнике «Ключевые слова» (Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2022). Материалы работы использованы при подготовке научных статей «К вопросу о применении "тоталитарной" и "ревизионистской" моделей, как теоретико-методологических подходов в современных отечественных исследованиях политических репрессий 1934–1938 гг.», опубликованной в сборнике статей III Всероссийской научно-практической конференции «Молодые учёные России» (Пенза: Изд-во «Наука и просвещение», 2020), «Следственные дела как источник изучения политических репрессий 1930–х гг.: дискуссии в постсоветской историографии», опубликованной в журнале «Вестник ТюмГУ» (Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2021), входящего в перечень изданий ВАК.